

О.Генри

Под лежащий камень (сборник рассказов)

ФТМ

О. Генри

Под лежащий камень (сборник)

«ФТМ»

1912

О. Генри

Под лежащий камень (сборник) / О. Генри — «ФТМ», 1912

ISBN 978-5-4467-2314-0

Один из самых известных юмористов в мировой литературе, О. Генри создал уникальную панораму американской жизни на рубеже XIX–XX веков, в гротескных ситуациях передал контрасты и парадоксы своей эпохи, открывшей простор для людей с деловой хваткой, которых игра случая то возносит на вершину успеха, то низвергает на самое дно жизни. «Мюррею приснился сон. Психологи и ученые теряются в догадках и предположениях, стараясь объяснить странные переживания нашего нематериального «я», когда мы бродим в царстве «близнеца смерти» – в царстве сна. Настоящий рассказ не имеет целью бросить свет на этот не исследованный еще вопрос. Он является просто описанием сна Мюррея. Одна из самых поразительных особенностей снов состоит в том, что происходящее во сне на протяжении нескольких месяцев или даже годов на самом деле происходит в течение нескольких секунд или минут...»

ISBN 978-5-4467-2314-0

© О. Генри, 1912

© ФТМ, 1912

Содержание

Сон	5
Правитель людей	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

О. Генри

Под лежащий камень

(рассказы из авторского сборника)

Сон

(Перевод Эвы Бродерсен)

Мюррею приснился сон.

Психологи и ученые теряются в догадках и предположениях, стараясь объяснить странные переживания нашего нематериального «я», когда мы бродим в царстве «близнеца смерти» – в царстве сна. Настоящий рассказ не имеет целью бросить свет на этот не исследованный еще вопрос. Он является просто описанием сна Мюррея. Одна из самых поразительных особенностей снов состоит в том, что происходящее во сне на протяжении нескольких месяцев или даже годов на самом деле происходит в течение нескольких секунд или минут.

Мюррей сидел в тюремной камере в отделении для приговоренных к смерти. Электрическая дуговая лампа, висевшая на потолке в коридоре, ярко освещала его стол. По листу белой бумаги полз муравей, дико бросавшийся из стороны в сторону в то время, как Мюррей преграждал ему путь конвертом. Приведение в исполнение смертного приговора посредством электричества было назначено на восемь часов вечера. Мюррей, улыбаясь, смотрел на обезумевшего муравья, мудрейшего из насекомых.

В отделении было еще семеро приговоренных к смерти. С тех пор как Мюррей находился здесь, он видел, как троих увели для приведения в исполнение приговора. Один обезумел и бился, как пойманный в западню волк; другой, не менее безумный, громко молился; третий, слабый духом, упал в обморок, и его унесли, привязав к доске. Мюррей размышлял, как он сам встретит внешне и внутренне момент казни. Сегодня вечером пришел его срок. Должно быть, теперь было около восьми часов.

В отделении было два ряда камер, и напротив него была камера Бонифацио, итальянца, убившего свою невесту и двух полицейских, пришедших его арестовать. Мюррей долгие часы играл с ним в шашки, выкликая ходы своему невидимому партнеру через коридор.

Послышался громкий басистый голос Бонифацио с его всегдашним певучим акцентом.

– Эй, маэстро Мюррей! Как вы себя чувствуете, – хорошо, да?

– Хорошо, Бонифацио, – сказал твердо Мюррей, позволяя муравью вползти на конверт и осторожно сбрасывая его на каменный пол.

– Так и следует, маэстро Мюррей. Такие, как мы, должны умирать как мужчины. Мой срок на будущей неделе. Отлично. Помните, маэстро Мюррей, я выиграл у вас последнюю партию в шашки. Может быть, мы когда-нибудь опять будем играть с вами. Я не знаю. Может быть, нам придется чертовски громко выкликать ходы в том месте, куда нас отправят.

Грубая философия Бонифацио, за которой последовал басистый взрыв музыкального смеха, согрел заочное сердце Мюррея. Да, но Бонифацио оставалось жить еще целую неделю.

Обитатели камер слышали знакомое громкое щелканье стальных затворов в то время, как открывалась дверь в конце коридора. Трое людей подошли к камере Мюррея и отперли ее. Двое из них были тюремные сторожа; третий был Леон, сосед и друг детства Мюррея. Нет, это было в прежние дни – теперь это был преподобный Леонард Уистон.

– Я добился разрешения занять место тюремного священника, – сказал он, крепко пожимая руку Мюррея. В левой руке он держал небольшую Библию, отмечая указательным пальцем нужную страницу.

Мюррей слегка улыбнулся и начал приводить в порядок две-три книги и несколько ручек на своем столике. Он охотно заговорил бы, но никакие подходящие слова не шли ему на ум.

Заклученные окрестили эту часть тюрьмы, в восемьдесят футов длиной и двадцать восемь футов шириной, «Преддверием ада». Постоянный сторож «Преддверия ада», огромный, неотесанный добрый человек, вытащил из кармана бутылку виски и протянул ее Мюррею со словами:

– Это самое, понимаешь, настоящее дело для тех, кому нужно подкрепиться. И, понимаешь, тебе нечего бояться, что ты приохотишься к виски.

Мюррей хлебнул из бутылки.

– Вот так, – сказал сторож. – Немного укрепляющего средства, и все пойдет как по маслу.

Они вышли в коридор, и каждый из семи обреченных понял, что было около восьми часов и что в восемь была назначена казнь Мюррея. В «Преддверии ада» существует своя аристократия. Человек, убивший своего врага или преследователя в открытом бою, в пылу битвы или обуреваемый первобытными чувствами, с презрением относится к подлым убийцам из-за угла.

Таким образом, только трое из семи обреченных крикнули последнее «прости» Мюррею, в то время как он шагал по коридору между двумя стражниками. Это были Бонифацио, Марвин, убивший тюремщика во время попытки бегства из тюрьмы, и Бассет, железнодорожный грабитель, который был принужден убить проводника экспресса, не пожелавшего поднять руки вверх. Остальные четверо молча притаились в своих камерах, чувствуя себя отщепенцами в обществе «Преддверия ада».

Мюррей удивлялся своему собственному спокойствию и почти безразличию. В комнате казни собралось около двадцати людей – тюремное начальство, газетные репортеры и зрители, которым удалось...

Здесь, на самой середине фразы, рука смерти прервала последний рассказ О. Генри. Он предполагал написать этот рассказ совершенно в другом духе, как его предыдущие рассказы. Это должно было стать началом новой серии.

– Я хотел показать публике, – говорил Генри, – что я могу написать нечто новое – то есть новое для меня – историю с настоящей драматической завязкой, трактованную в таком духе, который ближе подойдет к моим взглядам на писательство.

До того как начать писать настоящий рассказ, он вкратце набросал, как он предполагал развить его. Мюррей, виновный в зверском убийстве своей возлюбленной, – убийстве, вызванном припадком безумной ревности – встречается сперва смертную казнь совершенно спокойно и, по всем внешним признакам, даже безразлично. Когда он приближается к электрическому стулу, им овладевает странное чувство нереальности. Вся сцена в комнате казни – свидетели, зрители, приготовления к казни – кажется ему нереальной. В его уме мелькает мысль, что произошла страшная ошибка. Почему его привязывают к стулу? Что он сделал? Какое преступление он совершил? В те несколько мгновений, когда прикрепляли ремни на стуле, перед его умственным взором встает видение. Ему снится сон. Он видит маленький деревенский коттедж, светлый, залитый солнцем, спрятавшийся под сень цветов. Он видит женщину и ребенка. Он говорит с ними и узнает, что это его жена и его ребенок, а коттедж – его дом. Таким образом, в конце концов, все это была ошибка. Кто-то страшно, непоправимо ошибся. Обвинение, суд, приговор к смерти на электрическом стуле – все это сон. Он обнимает жену и целует ребенка. Да, здесь счастье. А то был сон. Но тут, по знаку тюремного сторожа, пускается роковой ток.

И то, что Мюррей принял за сон, – оказалось действительностью.

Правитель людей (Перевод Эвы Бродерсен)

Я бродил по улицам города Подлости, страстно желая увидеть незнакомое лицо, потому что Нью-Йорк представляет собою собрание знакомых типов, похожих друг на друга, как песчинки в пустыне. И вы начинаете ненавидеть их, как ненавидите друга, вечно торчащего около вас, или как ненавидите одного из близких ваших родных.

Мое желание исполнилось. Я увидел на углу Бродвея и Двадцать девятой улицы маленького человечка с льяными волосами, с лицом, напоминающим шероховатую кору орехового дерева. Он продавал собравшейся вокруг него толпе универсальный инструмент, который попеременно мог служить пробочником, крючком для застегивания пуговиц, пилкой для ногтей, мог открывать жестянки, чистить картофель и в то же время его, как брелок, можно было подвесить к часам любого джентльмена.

В эту минуту упитанный полисмен стал пробираться сквозь толпу покупателей. Продавец, привыкший, очевидно, к тому, что его торговля внезапно таким образом прерывалась, быстро прикрыл свою сумочку и юркнул, как ящерица, в противоположную сторону. Толпа быстро разбежалась, как муравьи из потревоженного муравейника. Я поспешил за Билли Боуэрсом из Канзаса и поймал его за рукав.

Не взглянув на меня и не убавляя шага, он сунул мне в руку аккуратно сложенный пятидолларовый билет.

– Я не думал, Билли, – сказал я, – что ты так дешево ценишь старых друзей.

Он повернул ко мне голову, и его лицо, похожее на ореховую кору, расплылось в широкую улыбку.

– Отдай деньги, – сказал он, – или я напущу на тебя полисмена за надувательство. Я принял тебя за полисмена.

– Я хочу поговорить с тобой, Билли, – сказал я. – Когда ты уехал из Оклахомы? Где теперь рыжий Мак-Джилл? Почему ты продаешь на улице эту ерунду? Как окончилось дело с твоей золотой рудой? Где ты так страшно загорел? Что ты хочешь выпить?

– Год тому назад я уехал из Оклахомы, – отвечал по порядку Билли. – Мак-Джилл строит ветряные мельницы в Аризоне... Я занимаюсь торговлей, чтобы заработать деньги на текущие расходы... С золотой рудой я прогорел... Был в тропиках... Хочу пива...

Мы пробрались в укромное местечко ресторана и расположились за столиком. Пришлось прибегнуть к воспоминаниям, чтобы вызвать в Билли охоту рассказывать.

– Да, – сказал он, – я помню, как веревка Тимоти разорвалась на рогах коровы, преследующей тебя. Ты и эта корова! Я никогда не забуду этой картины.

– Тропики, – сказал я, – очень обширная местность. Какую часть Рака или Козерога ты почтил своим посещением?

– Где-то в Чили или Перу, а может быть, это была Аргентина, – сказал Билли. – Во всяком случае, это был великий народ, прогрессивный. Я был там три месяца.

– Без сомнения, ты рад, что снова находишься среди настоящего великого народа, – высказал я свое предположение. – В особенности среди ньюйоркцев, самых прогрессивных и независимых граждан всего мира, – продолжал я с ослеплением провинциала, познавшего сладость столичной жизни.

– Как ты думаешь, есть у ирландца юмор? – спросил Билли, не вступая со мной в спор.

– У меня час или два свободных, – сказал я, взглядывая на часы в зале и чувствуя, что Билли начнет свой рассказ. – Как звали ирландца?

– Его звали Барни О’Коннор, – ответил Билли. – Я познакомился с ним в меблированных комнатах в Западной части. Он пригласил меня в свою комнату выпить с ним, и мы подружились, как кошка и собака, выросшие вместе. Он был высокий, красивый мужчина. Однажды он сидел, прислонившись спиной к одной стене и упираясь ногами в другую, разглядывал карту. На кровати лежал чудесный золоченый меч с кисточками и камушками на рукоятке.

– Что это? – спросил я (к этому времени мы уже были хорошо знакомы). – Ежегодный парад для уничтожения поработителей Ирландии? Какой намечен маршрут? Вверх по Бродвею до Сорок второй улицы, затем к западу, к кафе Мак-Карти, затем...

– Садитесь на умывальник, – сказал О’Коннор, – и слушайте. И не истолковывайте ложно присутствие меча. Это меч моего отца из старого Мюнстера. И эта карта совсем не предназначена для составления маршрута праздничной процессии. Если вы еще раз в нее внимательнее взгляните, то увидите, что это материк, известный под именем Южной Америки, состоящий из четырнадцати зеленых, синих, красных и желтых стран. Все они время от времени взывают о помощи, чтобы их освободили от ига угнетателя.

– Я знаю, – сказал я О’Коннору. – Эта идея встречается и в литературе. Можно ее найти в каждом десятицентовом журнальчике. Это постоянная история об искателе приключений, обыкновенно носящем имя О’Киф, который старается сделаться диктатором, в то время как испано-американское население кричит «Коспетто!» и прочие итальянские проклятия. Не думаете ли и вы попытаться это сделать, Барни? – спросил я.

– Боуэрс, – сказал он, – вы человек образованный и храбрый.

– Я не отрицаю этого, – сказал я. – Образование присуще моей семье, а храбрость я приобрел тяжелой борьбой за существование.

– О’Конноры, – сказал он, – воинственный род. Вот там меч моего отца, а вот карта. Я не выношу бездельной жизни. О’Конноры рождены для того, чтобы править. Я должен стать правителем людей.

– Барни, – сказал я ему, – почему вы не поступите в полицию и не начнете спокойную жизнь резни и грабежа, вместо того чтобы скитаться по чужим странам? Каким другим образом сможете вы полнее удовлетворить ваше желание – притеснять угнетаемых?

– Взгляните опять на карту, – сказал он, – на ту страну, где я держу острие своего перочинного ножика. Вот эту-то страну я выбрал, чтобы помочь ей и ниспровергнуть существующий там строй при помощи отцовского меча.

– Я вижу, – сказал я. – Вот эта зеленая страна. Она самая маленькая. Это делает честь вашему здравому смыслу.

– Вы меня обвиняете в трусости? – воскликнул Барни, покраснев как рак.

– Нельзя назвать трусом человека, – ответил я, – который один собирается напасть на страну и конфисковать ее. Самое плохое, в чем можно вас обвинить, это в плагиате или подражании. Но если Рузвельт вас не притянет за это к ответственности, то никто другой не будет иметь права протестовать.

– Не думайте, что я шучу, – сказал О’Коннор. – У меня полторы тысячи долларов наличными, чтобы привести в исполнение этот план. Вы мне нравитесь. Хотите присоединиться ко мне?

– Я без работы, – ответил я ему. – Но нужно сговориться. Будете ли вы меня кормить во время приготовления восстания или я буду только военным секретарем после того, как страна будет завоевана? Вы берете меня на платную должность или на почетную?

– Я плачу за все издержки, – сказал О’Коннор. – Мне нужен человек, которому я могу доверять. Если наше дело завершится успехом, то вы сможете выбрать себе в правительстве любое место, которое вы пожелаете.

– В таком случае, отлично, – сказал я. – Можете быть спокойны – на место президента я не позарюсь. Способ, которым жители этой страны освобождаются от своих президентов,

слишком болезненный. Во всяком случае, вы можете занести меня в вашу платежную ведомость.

Две недели спустя О'Коннор и я сели на пароход с целью отправиться в маленькую, зеленую, обреченную страну. Поездка заняла три недели. О'Коннор говорил, что весь его план разработан заранее, но достоинство главнокомандующего не позволяло ему раскрывать подробности перед армией и кабинетом министров, объединяемых в лице Билли Боуэрс. За свое присоединение к делу освобождения несчастной зеленой страны я получал три доллара в день. Каждую субботу я становился на пароходе во фронт, и О'Коннор вручал мне следуемые мне двадцать один доллар.

Мы высадились в городе Гвашверите или что-то в этом роде. Чертовски трудно выговаривать эти имена. Но сам город выглядел очень красиво с моря, когда мы к нему подплывали. Он был весь белый, с зелеными фалборами и с кружевными воланами на подоле, когда прибой разбивался о песчаный берег. Город выглядел удивительно мирным.

Мы должны были подвергнуться всяким карантинным и таможенным неприятностям, а затем О'Коннор повел меня к оштукатуренному домику на улице, носящей название «Проспекта печальных бабочек». Проспект был шириною в десять футов и весь был усыпан окурками сигар.

– Хулиганский переулок, – сказал я, давая проспекту более подходящее название.

– Здесь будет наша штаб-квартира, – сказал О'Коннор. – Мой здешний агент, дон Фернандо Пачеко, нанял этот дом для нас.

Таким образом, в этом доме мы установили революционный центр. В передней комнате у нас для отвода глаз были фрукты, гитара и столик. В задней комнате стоял письменный стол О'Коннора, и в свертке соломенного мата был спрятан его меч. Спали мы в гамаках, которые подвешивали к стене, а обедали в гостинице «Ангелы», которую владелец-немец вел на американский лад, с китайским поваром.

Кажется, у О'Коннора действительно была разработана заранее какая-то система. Он писал кучу писем, и почти каждый день в штаб-квартиру заходило несколько знатных туземцев, которые запирались на полчаса в задней комнате с О'Коннором и переводчиком. Я заметил, что когда они входили в комнату, то всегда курили огромные сигары и были настроены самым миролюбивым образом. Когда же они выходили, они обыкновенно складывали десяти или двадцатидолларовые билеты и страшно ругали правительство.

Однажды вечером, после того как мы прожили в Гвая... – ну, в этом морском городишке – около месяца, мы сидели с О'Коннором за воротами и потягивали лимонад с ромом. Я ему говорю:

– Простите патриота, который в точности не знает, какое дело он защищает, за нескромный вопрос, в чем состоит ваш план подчинения этой страны? Намереваетесь ли вы повергнуть ее в кровопролитие или хотите мирно и честно купить голоса на выборах?

– Боуэрс, – сказал он, – вы милый, хороший человек, и я хочу ваши способности применить после нашей победы. Но вы ничего не смыслите в политике. Мы уже раскинули целую сеть стратегических пунктов, и она невидимой рукой будет стянута у горла тирана Кальдераса. Агенты наши работают в каждом городе республики. Либеральная партия должна победить. В наших тайных списках значится достаточно имен, симпатизирующих нам, так что мы сможем одним ударом раздавить правительственные силы.

– И кто все это устроил? – продолжал О'Коннор. – Я устроил. Я всем распоряжался. Мои агенты сообщили мне, что время назрело. Народ стонет под тяготами налогов и пошлин. Кто будет их вождем, когда они восстанут? Может ли быть другой вождь, кроме меня? Как раз вчера Зальдас, наш представитель в округе Дураснас, передавал мне, что народ втайне уже называет меня «Дверью освобождения». Это испанская манера называть так «Освободителя».

– Я видел, как Зальдас, выходя от вас, засовывал желтенький билет в жилетный карман, – сказал я. – Может быть, вас и называют «Дверью освобождения», но они обращаются с вами так, как будто вы являетесь дверью банка. Но будем надеяться на худшее.

– Конечно, это стоит денег, – сказал О'Коннор. – Но через месяц страна будет в наших руках.

По вечерам мы гуляли на площади, слушали оркестр и разделяли скучные удовольствия населения. В городе было тринадцать экипажей, принадлежавших лицам высшего класса и представлявших собою старомодные рыдваны. Они ехали посередине площади, вокруг недействующего фонтана, и сидевшие в них аристократы поднимали свои цилиндры при встречах со знакомыми. Народ разгуливал кругом босиком и попыхивал длиннейшими сигарами. И самой внушительной особой во всем этом сборище был О'Коннор. Он был ростом выше шести футов, в нью-йоркском костюме, с орлиным взором, с черными усами, щекоотавшими его уши. Он был врожденным диктатором, царем, героем человечества. Мне казалось, что все взоры были устремлены на О'Коннора, что все женщины были в него влюблены, что все мужчины его боялись. И я сам в эти минуты чувствовал себя важным гидуальго Южной Америки.

– Обратите внимание, – сказал мне О'Коннор в то время, как мы разгуливали по площади, – на эту толпу. Посмотрите на их угнетенный, меланхоличный вид. Вы разве не видите, что они готовы возмутиться? Вы разве не замечаете, как они восстановлены против правительства?

– Нет, не замечаю, – ответил я. – Я начинаю понимать этот народ. Когда они выглядят несчастными, это значит, что они веселятся. Когда они чувствуют себя несчастными, они идут спать. Они не из тех народов, которые находят интерес в революциях.

– Они все встанут под наши знамена, – сказал О'Коннор. – В одном этом городе три тысячи человек возьмутся за оружие, когда будет дан сигнал. Меня в этом уверили. Но все еще держится в секрете. Мы не можем проиграть.

В Хулиганском переулке, как я называл проспект, где находилась наша штаб-квартира, был ряд низеньких оштукатуренных домиков с красными черепичными крышами, несколько соломенных хижин, полных индейцами и собаками, и немного дальше двухэтажный деревянный дом с балконами. Там жил генерал Тумбало, комендант города и командующий войсками. Напротив, через улицу, был частный особняк, напоминавший своей постройкой не то духовую печь, не то складную кровать. Однажды, когда О'Коннор и я проходили мимо этого дома по так называемому тротуару, из окна упала большая красная роза. О'Коннор, шедший впереди, схватывает ее, прижимает к пятому ребру и отвешивает поклон до земли. Клянусь! Ирландский театр много потерял, что этот человек не пошел на его подмости.

Проходя мимо окна, я взглянул в него, и передо мною мелькнуло белое платье, пара больших жгучих черных глаз и сверкавшие зубы под черной кружевной косынкой.

Когда мы вернулись домой, О'Коннор начал расхаживать взад и вперед по комнате и крутить усы.

– Вы видели ее глаза, Боуэрс? – спросил он меня.

– Видел, – сказал я, – и видел еще нечто большее. Теперь все идет как в романе. Я все время чувствовал, что чего-то не хватает. Теперь я понял, что не хватало любви. Наконец-то у нас глаза чернее ночи и роза, брошенная через решетку окна. Что же дальше будет? Подземный ход – перехваченное письмо – преданный герой, брошенный в темницу, – таинственная весточка от сеньориты – затем восстание – бой на площади...

– Не дурите, – прервал меня О'Коннор. – Для меня существует только одна женщина в мире, Боуэрс. О'Конноры так же быстры в любви, как в сражении. Я эту розу буду носить на сердце, когда поведу в бой свои войска. Чтобы выиграть битву, всегда нужна женщина для придания силы.

– Если вы хотите хорошей драки, то без женщины не обойтись, – согласился я. – Меня только одно беспокоит. В романах светловолосый друг героя всегда бывает убит. Вспомните все романы, которые вы читали, и вы увидите, что я прав. Я думаю сходить в аптекарский магазин и купить краску для волос раньше, чем война будет объявлена.

– Как мне узнать ее имя? – проговорил О'Коннор, держа руку за подбородок.

– Почему бы вам не перейти через улицу и не спросить ее? – сказал я.

– Я думаю, вы никогда не сумеете серьезно смотреть на жизнь, – сказал О'Коннор строгим тоном школьного учителя.

– Может быть, роза была предназначена, мне, – сказал я, насвистывая испанское фанданго.

Первый раз с тех пор, как я познакомился с О'Коннором, я увидел его смеющимся. Он вскочил, прислонился к стене, залился таким громким смехом, что черепицы на крыше задрожали. Он подошел к зеркалу, посмотрелся в него и снова захохотал. Затем он взглянул на меня и опять покотился со смеху. Поэтому-то я тебя и спросил, есть ли у ирландца чувство юмора. С того дня, как я познакомился с ним, он разыгрывал фарс, не подозревая об этом, и смотрел на него, как на драму.

На следующий день он вернулся домой с торжествующей улыбкой и стал вытаскивать из кармана листок бумаги.

– Я узнал ее имя, – сказал О'Коннор и прочел что-то вроде следующего: – Донна Изабелла Антония Инес Лолита Карерас-Буэнкаминес-Монтелеон. Она живет с матерью, – пояснил О'Коннор. – Ее отец был убит в последнюю революцию. Она, наверное, сочувствует нашему делу.

И, действительно, на следующий день она бросила маленький букет роз прямо через улицу к нашим дверям. О'Коннор нырнул за ним и нашел вокруг стеблей кусочек бумаги с написанной на нем испанской фразой. О'Коннор притащил переводчика и велел ему перевести. Переводчик почесал затылок и предложил нам на выбор три варианта: «Счастье имеет лицо воина»; «Счастье похоже на смелого человека» и «Счастье благоприятствует смелому». Мы остановились на последнем толковании.

– Понимаете? – сказал О'Коннор. – Она меня подбадривает, чтобы я мечом спас ее страну.

– Мне это кажется, скорее, приглашением к ужину, – сказал я.

И, таким образом, сеньорита за решетчатым окном опустошила одну или две оранжереи, выбрасывая каждый день букет цветов. А О'Коннор выпячивал грудь и клялся, что завоюет ее славными подвигами на поле брани...

Понемногу революция начала назреваться. Однажды О'Коннор отводит меня в заднюю комнату и сообщает мне весь план.

– Боуэрс, – говорит он, – через неделю, в двенадцать часов, начнется борьба. Вам угодно было высмеивать мой проект, потому что вы не могли себе представить, что он выполним. Но для такого храброго, интеллигентного, незаурядного человека, как я, все возможно. Во всем свете, – говорит он, – О'Конноры правили всегда мужчинами, женщинами и нациями. Подчинить же такую маленькую страну, как эта, совершенный пустяк. Вы сами видите, что здесь за жалкие людишки. Я один легко справлюсь с четырьмя из них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.